

ПОНЯТИЕ «ТАЙГА» В СИБИРСКОМ ДИСКУРСЕ XIX в. И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Исследуется история понятия «тайга» в сибирском дискурсе в 1820–1860-е гг. Выявлены ключевые образы тайги, как они представлены в публицистике, отчетах путешественников, лесоводческой литературе и беллетристике эпохи. Изучены ключевые трансформации в истории понятия, связанные с восприятием тайги как «леса», и как пространства, включающего в себя малонаселенные лесные территории Сибири в целом. Выявлены социокультурные и экономические факторы, влияющие на историю понятия.

Ключевые слова: тайга; лес; Сибирь; история понятий; социокультурный ландшафт.

Введение

В 1897 г. на публичной лекции, организованной Томским отделом Императорского Московского общества сельского хозяйства, русский ботаник, ученый садовник недавно созданного Томского университета П.Н. Крылов сделал один из первых научных обзоров географического феномена тайги, описав его как темнохвойный бореальный сомкнутый лес и противопоставив сосновым и лиственничным лесам [1]. П.Н. Крылов стал одним из пионеров, положивших начало разработке этого явления с научной точки зрения; его обзор станет классическим, или, во всяком случае, одним из наиболее ярких. Во многом его труды и труды его учеников закрепят данное понятие в русском и многих иностранных языках: ведь на протяжении XIX в. ученые для описания феномена северных лесов использовали множество слов [2. С. 6–8].

Великолепно справляясь с вопросами относительно географических и ботанических особенностей тайги, П.Н. Крылов, однако, столкнулся в своей лекции со сложностями чисто этимологического и социологического характера. Лекция начинается с некоторого удивления от того, что слово «тайга» в европейской части России почти не употребляется и местному населению неизвестно: «...можно думать, что им определяется или нечто такое, что свойственно только Сибири, или же что само слово местного, сибирского и, притом, не русского происхождения» [1. С. 1]. В своем анализе Крылов склоняется ко второй точке зрения; ботаник считал слово привнесенным в русский язык из тюркского, где оно обозначало «горный лес». В этой связи Крылов, правда, не мог объяснить, почему именно оно стало главным словом для описания всего сибирского леса.

Цель данной статьи – предложить иные ответы на вопрос о том, почему для обозначения сибирских лесов в XIX в. стали использовать слово «тайга». Как возникла необходимость в новом слове, имеющем «не русского происхождения»? Не может ли за фактом появления понятия «тайга» скрываться в действительности что-то, «что свойственно только Сибири»? Само словотворчество говорит о том, что поиск должен вестись не столько в области изучения реальных особенностей сибирской природы (это задача географов и ботаников), но в области особенностей ее описания и восприятия. Иначе говоря, в сфере данного исследова-

новения – контексты тех общественных дискуссий XIX в., в которых понятие «тайга» оказывается востребованным, а также его различные интерпретации, предлагаемые участниками дискуссий для обоснования тех или иных позиций.

Методы и источники

Понятие «тайга» – важнейшее понятие сибирского дискурса, и, разумеется, его история может быть рассмотрена с разных теоретико-методологических установок. Данный вопрос, очевидно, находится в русле исследования образов, воображаемой географии, символических практик и представлений о сибирском пространстве. В качестве теоретиков такого подхода можно назвать Д.Н. Замятина, предложившего программу исследований географических образов региона и связанных с ними региональных идентичностей [3]. В русле этой программы исследуются процессы символизации пространства и связанные с ними мифы и нарративы, внутри которых идеологические и географические характеристики места становятся самостоятельным инструментом идентификации [4]. Вопросам символического конструирования и «присвоения» сибирского пространства посвящена значительная литература [5–7]. На сегодняшний момент изучены ключевые образы и коллективные представления о Сибири, выявлены способы их конструирования и трансляции в разных общественных слоях и правительственной политике. Большое значение при изучении коллективного сознания играет языковой материал, позволяющий проследить процессы идентификации в разных дискурсивных практиках [8, 9].

Исходя из вышесказанного, тайга – это географический образ, который, безусловно, может рассматриваться как «культурный артефакт» или ментальная конструкция, и инструменты гуманитарной географии являются ключевыми для его осмысления. Но «тайга» – это не просто слово для обозначения определенного типа сибирского пространства, это, прежде всего, природный концепт. Он может быть не только размещен на карте амбивалентных сибирских образов или положен на историю развития коллективных представлений о Сибири. История дискуссий о сибирской тайге фиксирует также определенные способы отношения к природе. Ряд исследовательских направлений сегодня все больше интересуется процессами, в рамках кото-

рых природа конструируется и поддерживается в культуре. Так, по мнению Фила Макнотена и Джона Урри, имеет смысл говорить о социологии природы: «...не существует никакой “природы” самой по себе – можно говорить только о “природах”. И такие природы формируются исторически, географически и социально» [10]. Похожий подход лежит в основе некоторых направлений «экологической истории» [11, 12]. Стоит отметить, что история леса в такой парадигме имеет уже внушительный багаж научных работ, начиная с классического исследования Джеймса Скотта о последствиях утилитарного государственного лесоводства [13] до многочисленных исследований о роли леса в национальном самосознании [14], в том числе российском (советском) [15]. В этой связи стоит упомянуть А.Н. Болотову, исследовавшую на примере развития геологических изысканий в СССР формирование двух альтернативных интерпретаций природы и тайги – официально-государственной и повседневной (полевых геологов) [16].

Два данных подхода не являются противоречащими. Их объединяет интерес к реконструкции культурного ландшафта, который, в случае с понятием тайги, формируется и моделируется на основе восприятия и интерпретации природного явления. Как считают Т.А. Демешкина и Е.Е. Дутчак, в рамках такого подхода целесообразно разграничивать понятия «места» (локуса) и «пространства»: «...первое есть символически маркируемый географический объект, а второе – результат языковой и социальной деятельности по его символизации и включению в региональные и трансрегиональные коммуникации в соответствии с некоторой политической, религиозной, культурно-идеологической и экономической системой координат» [17. С. 33].

Выбранный подход предопределяет источниковую базу исследования. Понимание того, что реконструкция культурного ландшафта является динамичным процессом с нечеткими границами, зависящим от различных «потоков информации и качества их агентов» [17. С. 37], требует привлечения источников разного происхождения. Интерес к сибирским лесам породил тысячи текстов на протяжении XIX в.; охватить их все не представляется возможным, поэтому выборка необходима. В центре внимания находятся публицистические тексты, а также отчеты путешественников и сибирских чиновников, появлявшиеся в российской и сибирской журналистике или выходявшие отдельными изданиями. В них в наибольшей степени выражено стремление осмыслить сибирское пространство и опыт (реальный или вымышленный) знакомства с тайгой. Также невозможно обойти вниманием «сибирский текст» русской литературы, хотя бы по причине той роли, которая отводится в нем осмыслению тайги и таежного быта («Тайжане» Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, рассказы Н.И. Наумова и др.) и его общественного влияния. Лесоводческая литература в меньшей степени будет интересовать нас содержащейся в ней научным анализом, а скорее тем, как в ученых текстах отражается идущая в обществе полемика. Словари эпохи позволяют нам определить меру терминологической (не)устойчивости понятия.

Хронологически исследование захватывает три периода: первую половину XIX в., когда интерес к тайге носил эпизодический характер и был связан больше с осмыслением Сибири как далекого и экзотического места; середину XIX в. и особенно пореформенное время – период мощного интереса к Сибири в общественном сознании, когда закладывались основные компоненты «таежной темы» в публицистике и художественных сочинениях эпохи; и конец XIX в. – начало XX в., когда на волне роста колонизации, формировании государственной политики в области заселения лесных пространств Сибири понятие «тайга» получает осмысление в официальном дискурсе и окончательно формируется спектр его альтернативных интерпретаций.

Результаты исследования

Происхождение термина и первоначальная история. Вопрос о происхождении слова «тайга» имеет давнюю историю изучения, но не имеет однозначного ответа [18–20]. Принято считать, что поскольку на русской (славянской) почве это слово не может быть объяснено, следует считать его заимствованным из тюркских языков. До недавнего времени основной версией было заимствование из алтайского языка, где *taïḡa* – «скалистые горы» [21. С. 11]. В соответствии с этой гипотезой значение «лес» у слова тайга является вторичным. Интересными представляются выводы Е.А. Хелимского [19], который обнаружил сравнение русского слова тайга со словом *taïga* «*sylva* /лес» в диалекте (языке) томских (чулымских) татар, содержащееся в составленном около 1735 г. рукописном словаре Г.Ф. Миллера. Этот факт доказывает, что семантическое изменение «скалистые безлесые горы» – «лес, тайга» осуществилось еще на тюркской почве, а не в русском языке. Эти данные позволяют также считать наиболее вероятным ареалом первичного проникновения слова тайга в русский язык Причудье. Не случайно, что первая известная фиксация слова в русском литературном языке, в сибирских путевых записках А.Н. Радищева, связана с этой областью: «До села Боготольского 29 вер. Дорога идет полями, еланями и березниками. Тайги остаются вниз по Чулыму...» [22. С. 273].

На протяжении почти всего XIX в. местный характер происхождения слова отчетливо воспринимался самими современниками. Так, одно из первых определений тайги мы находим на страницах «Сибирского вестника» Г.И. Спасского в статье, посвященной народам Енисея: «Лучшими местами для промысла зверей почитаются в верху Енисея, лежащие по обеим берегам сей реки лесистые горы, называемые обыкновенно тайгами» [23. С. 195]. Еще более показательны «Письма о Восточной Сибири» (1827) А.И. Мартоса, чиновника Енисейского губернского правления. Понятие тайги, хоть нигде и не определенное автором, неоднократно возникает при описании карагасов, «рассеянных по горам и в тайге сего края» [24. С. 15]. Живущие в тайге местные народы трактуются в терминах «естественного человека», в чем можно услышать отголоски просветительской мифологии о «де-

тях природы» («дикари, отважные, но кроткие, добрые для своих Повелителей и страшные зверям лютым» [24. С. 13]). В похожем контексте встречаемся с понятием у председателя Енисейской Казенной палаты И.В. Пестова, автора «Записок о Енисейской Губернии Восточной Сибири» (1831): «Тайгами называют Сибиряки густые леса» [25. С. 223]. Характерно, что это слово он использует в разделе книги, посвященном «иноверческим управам и волостям тунгусов, самоедов и остяков», не употребляя в параграфе с описанием собственно природы и лесов. Любопытно, что в «поэтическом» приложении к книге, в стихотворении «Я видел юрты дикарей...», тайга – также необходимый элемент описания местных народов: «В углу их сын, младой и смелый / Готовится идти в тайгу, / Острит убийственные стрелы / И гнет упругий лук в дугу» [25. С. 291–292].

Равным образом слово «тайга» в лексиконе русского старожильского населения также становится маркером его личности. Об свидетельствует в своей книге о Енисейской губернии (1835) бывший губернатор А.П. Степанов в разделе о «наречии крестьян-старожилов»: «...разговор Сибиряков и даже рассказ их правилен, приятен, чист... Незнакомые нам и усвоенные туземцами слова и поговорки случаются весьма нередко в их речах. Выписываю несколько: тайга: дремучий лес...» [26. Ч. 2. С. 100].

Эти ранние употребления слова позволяют предположить, что первоначальная история слова связана с интересом к этнографической экзотике – важному мотиву описания Сибири в XVIII–XIX вв. – что проявилось, в том числе, и на языковом уровне. Тайга при этом еще далеко не центральное слово для описания сибирского лесного ландшафта, более того, единого пространства сибирской тайги еще не существует, есть отдельные тайги, которые обозначают единство интереса их наблюдателя к локальным особенностям природы, местным жителям (аборигенным и русским), их быту и языку.

Тайга как «дикое место». «Этнографическая» тема не исчезнет и в дальнейшем, но модифицируется и приобретет большее социальное звучание. Остановимся подробнее в этой связи на очерке быта «жителей тундр и тайги», сделанном также служившим в Восточной Сибири И.П. Корниловым (1851). Прежде всего, обращает на себя внимание попытка выяснить происхождение термина и дать ему определение: «На языке бродячих Карагосов... “дайгою” называется собственно “белогорье”, то есть кряжи гор, из которых реки получают “зачинки” или истоки... Русские Сибиряки, усвоив это слово, несколько изменили произношение и дали ему более обширное значение; они именуют “тайгою” необозримые и совершенно дикие пространства, состоящие из болот, горных хребтов и дремучих бесконечных лесов» [27. С. 3]. Зафиксируем эту ключевую метаморфозу: тайга не просто лес, а пространство, которое наделяет содержащиеся в ней природные объекты характеристиками «дикости» и «необозримости».

«Таежный дикарь», на первый взгляд, в интерпретации И.П. Корнилова, – это тоже «естественный че-

ловек» («Быт бродячего дикаря есть быт естественный, ибо определяется свойствами местной природы» [27. С. 1]). Однако трактовка «тайги» как однообразной, пустынной и дикой природы заставляет его характеризовать жизнь инородцев как «низшую степень общественного быта», главной отличительной чертой которой является крайнее «равнодушие к жизни, доходящее до склонности к самоубийству» [27. С. 18]. Отнюдь не парадоксальным в этой связи выглядит признание истребления лесов крестьянами, продвижения приисковых партий в глубь тайги и связанного с этим сокращения звериного промысла – «отрадным явлением», поскольку оно вызывает лесных инородцев «из тайги в места привольные и близкие к оседлым поселениям, связывает узами общественными, соединяет в улусы и деревни, дает местной администрации возможность учреждать между дикарями лучший порядок и благоустройство» [27. С. 30].

Отмеченная метаморфоза в понимании тайги не случайна, как и не случайно упоминание в очерке сибирских приисков: 1830–1840-е гг. – это время активного развития сибирской золотопромышленности и одновременно время зарождения актуальной в публицистике и художественных сочинениях на протяжении всего XIX в. темы «*тайга и золото*».

Впрочем, в очерках приисковой жизни 1840-х гг. тема природного окружения и тайги может иметь и самостоятельное значение. Образный ряд, связанный с тайгой, здесь также важно зафиксировать. Так, у Н.К. Баженова (1846) изображение тайги обрамляет не столько описание приисковой жизни, сколько само путешествие автора по Сибири, по «пустыне, где леса, горы, болоты и непроходимые тайги – предметы дивственной природы, где до нашего пришествия не прокладывалось следов человеческих» [28. С. 19].

Во многих других сочинениях 1840-х гг. тайга рассматривается с точки зрения влияния, которое природное окружение имеет на быт, нравы и организацию работ на приисках. Для И. Бороздина тайга не столько «пустыня», сколько «первобытный хаос», который не может быть подчинен никаким законам, так что «всякий партионист, удаляясь... в тайгу, делается совершенно-свободен в своих действиях; здесь ему не от кого получать и совета, ни наставления, ни даже каких-либо указаний» [29. С. 22]. Для Э.К. Гофмана тайга также олицетворяет сложности, с которыми сталкиваются золотопромышленники и рабочие. При этом их масштаб осмысливается символически через противопоставление Европы и Сибири: «Сибирские трудности надобно измерять по другому масштабу против того, каким привыкли их мерять в Европе. Страна, в которой залегают золотые промыслы, превосходящая величиною многие государства Европы, есть непрерывная Тайга, то есть дремучий лес» [30. С. 7].

Мифологему о Сибири как о стране золота развил П.И. Небольсин в своих «Рассказах о сибирских золотых приисках» (1847–1848) и «Заметках на пути из Петербурга в Барнаул» (1850). Первое сочинение в некотором роде можно считать исследованием того, как в общественном сознании родилось и какие последствия приняло убеждение, «что где Сибирь – там

и золото» [31. Т. 55. С. 16]. Герой повествования находится в отстраненной позиции «франчика с Невского проспекта», который пытается проникнуть в необычный мир золотопромышленников («Завтра в тайгу! Отвечал я, не понимая еще, что такое значит тайга: река, что ли, это, деревня ли, или какое-нибудь особенное заведение» [31. Т. 55. С. 2]. В конечном итоге место, где расположены золотые прииски – тайга, открывается перед ним как «дикое, пустынное, непреступное» пространство, удаленное от всякой власти. Небольсин фиксирует особый тип возникающих социальных взаимоотношений: «ужасы дикой тайги» (разбой на дорогах, убийства, пьянство и мотовство рабочих и т.д.), которые, правда, по его мнению, остаются все более в прошлом, а в «Заметках» примут характер «таежных анекдотов», как названа одна из глав [32. С. 224–232].

В конечном итоге в описании Небольсина «тайга» – это квинтэссенция Сибири как «Азии»: «Нам, профанам, так кажется, что по Сибири едешь-едешь, а все не видишь Сибири в том смысле, как у нас большинство привыкло понимать эту страну. Другое дело – тайга: тут смешно было бы требовать Европы» [31. Т. 56. С. 3]. Сибирь в восприятии путешественника предстает более цивилизованным пространством, чем ожидалось, но стереотипы о ней остаются, географическое воображение находит им место в «тайге».

Итак, к середине 1850-х дискурс о тайге формируется из двух элементов. С одной стороны, тайга – это один из образов далекой и экзотичной Сибири, тесно связанный с жизнью местных обитателей. С другой – это часть образа осваиваемой территории, «тайга» как пространство, которое выделяется из «цивилизованного» мира. Эти два элемента могут переплетаться, рождая достаточно амбивалентные конструкции.

Неопределенность фиксируют и различные словари 1840–1850-х гг., в которых предпринимались попытки добиться некоторой терминологической ясности. Достичь единства в этот период было не просто: «Тайга (слово Тунгусское). Означает лесистую, низменную, сырую страну, в которой растет черный лес. Такое место, в северных губерниях Европейской России, называется согрою» [33. С. 592]; «Тайга. Лес в Сибири между инородцами» [34. С. 313]; «Тайга, и, с.ж. 1) Тоже, что чернь. 2) Обл. в Сибири: дремучий лес» [35. С. 267]; «Дикие, лесистые пространства в горах. Иркут» [36. С. 225].

Стоит также отметить, что наряду с множеством тайг, на протяжении XIX в. существовало и множество других слов, обозначающих схожее явление. Так, руководивший лесоустройством Алтайского горного округа в 1840–1850-е гг. Д.М. Машуков, который дал, как считается, одно «из первых обстоятельных и точных характеристик формации черневой тайги» [37], в действительности использует другие обобщающие понятия: черневые и боровые леса [38]. Г.Н. Потанин для описания алтайских лесов также использовал слово «чернь», но для томских и енисейских лесов слово тайга (ближняя и дальняя соответственно) [39. С. 2]. На протяжении периода будут использоваться и другие слова для описания сибирского леса. При этом они тоже могут восприниматься как характерные

для той или иной местности. Наряду со словом тайга на протяжении XIX в. часто использовали слово урман: «...сплошные леса в Тобольской губернии называются урманам, а в Томской и Енисейской тайгами» [40. С. 6].

История понятия во второй половине 1850–1860-е гг. С середины 1850-х гг. в общественной жизни России происходит усиление интереса к Сибири. Начинают складываться основные компоненты мифологемы «другой России» [6]. В большом количестве публикаций путешественников, сибирских чиновников, писателей нашла отражение и тема сибирского леса. Рожденные в этих описаниях образы станут частью мифологемы сибирской тайги, значимые для сибирского дискурса и в последующие периоды.

Складывание основных мифологем о сибирском лесу. Рассмотрим несколько типичных характеристик о сибирском лесу второй половины 1850-х – начала 1860-е гг. в сочинениях Г. Колмогорова и Н.А. Кострова. Перед наблюдателем второй половины века тайга открывается как «море леса» – «сплошное беспредельное, местами едва проходимое, а местами совсем непроходимое пространство лесов» [41. № 44. С. 294], или как «пустыня сибирских лесов» – «дремучий, вековой, непроходимый и почти сплошной лес» [40. С. 6, 10]. По сравнению с тайгой, самые большие леса Европейской России можно назвать «английским парком»: «...в Сибири есть огромные пространства лесов, которых не касался ни топор, ни огонь, где не бывала еще нога не только Русского, но и Остяка и Самоеда» [40. С. 10], «пространство, на котором можно было бы смело уложить несколько обширных европейских государств» [41. № 44. С. 294].

Тема пределов и размера таежного леса станет одной из ключевых, особенно обострившись к концу XIX в. в связи с ростом колонизации. Важный сопутствующий образ – *образ лесного пожара*. Наблюдатели второй половины XIX в. заворожены масштабами гарей, но, затрудняясь дать им точную оценку, признают значение как естественных причин, так и местного населения: «...человек употребляет всевозможные средства для того, чтобы от году далее ворваться в ее девственную, заповедную чащу. Для этого он употребляет не только топор – это было еще ничего, но даже огонь» [41. № 44. С. 295]. Оценка характера истребления и работ по защите леса может быть разной, и ей будет посвящено все больше и больше работ на протяжении века. С точки зрения изучения образа пожара, важно отметить, что он рождает и представление о силе природы, которая противостоит стихии: «Но деятельна сила здешней природы. Проходит год, другой – и новое поколение деревьев и кустарников пробивается уже над остатками того, которое отжило свой век» [41. № 46. С. 332]; «потому что истребив леса в этой долине, по изумительной силе растений, не станет сил населения в несколько миллионов, а проникнуть в них будет долго еще так также трудно, как и теперь» [40. С. 12].

С размером тайги коррелирует ее *древность*: «Леса в незаселенных оседлых частях очерченной нами долины первобытные, вековые» [40. С. 7]. Тайга в этих красочных описаниях воспринимается как пер-

вичный по отношению к человеку мир, как часть природы, противопоставленной обществу. Нередким мотивом в этой связи звучит *чувство единения с природой*, некой «невыразимой радости», которая доступна наблюдателю: «Шум водопадов и горных рек, а равно и журчание множества ключей усиливают дикость и величие природы и, углубляясь в эти дремучие леса, чувствуешь, что находишься в недрах девственной природы и благоговеешь перед величием Творца» [38. С. 241]. В некотором роде тайга здесь – это понятие пограничное, обозначающее встречу человека с природой. И такая встреча рождает не только чувство единства, возвращения в некое естественное состояние, но и таит в себе *опасность*. От «мириадов крылатых насекомых» [40. С. 20] до сибирской язвы, появляющейся из испарений «гнилых болот» [40. С. 21] и «беспощадной цинги, которую здешние инородцы весьма поэтически представляют себе отвратительной, двузубой старухой, сперва усыпляющей, а потом высасывающей кровь у тех, кто осмелился зайти в ее заповедные леса» [41. № 48. С. 360].

Тайга как «кладовая». Одно из наиболее интересных описаний тайги как «дремучего леса» дал И.И. Завалишин в своем «Описании Западной Сибири» (1862–1865). Труд Завалишина задумывался как своего рода ответ на вопрос о роли Сибири в будущем России, как опись возможностей, в том числе в отношении «материального». Неудивительно поэтому, что уже во введении он обозначает свою позицию: «Сплошные урманы и тайги (так называют здесь дремучие, непроходимые леса) огромных сосен, кедров, лиственниц, ели и пихты, это неистощимая кладовая края, занимающая площадь в несколько миллионов квадратных верст от Урала до Камчатки» [43. С. 11]. В дальнейших разделах, посвященных туринским, тобольским, тарским, томским и другим урманам и тайгам, он красочно и детально перечисляет богатства этой «кладовой» («одним словом – рыба красная и простая, пушнина, кедровый орех, дичь, ягоды» [43. С. 339]). Урман и тайга тоже могут быть «безлюдной пустыней», но могут при этом скрывать, как при описании тобольской и тюменской тайги, следы истории: «...всюду ужас пустыни и бесконечия – на волнах, в урманах, в трясинах! А об руку с этой природой – соборы, обители, города, урочища, с великими историческими воспоминаниями» [43. С. 208]. При этом образ тайги как «дикого места» также трансформируется – в образ «дикого рая»: «Васюган можно назвать “диким раем”». Неистощимые и громадные леса, изумительное обилием рыболовство и звероловство; неисчерпаемая сокровищница дичи, орехов, ягод, грибов; множество сочных лугов, и даже тучных пахотных земель; вероятное обилие золота... Все в этой сибирской Австралии есть для жизни, для труда, для богатства, но как и срединная Австралия, это покуда таинственная область, где с сотворения мира не бывала нога человеческая...» [43. С. 346].

Российское Эльдorado. Параллель с Австралией – не единственная географическая аналогия, которой современники пытались описать тайгу. Так, В.Д. Скарятин в «Записках золотопромышленника» (1862)

сравнивал, несколько неожиданно, восточно-сибирскую тайгу с кавказскими горами. Такое сравнение оказывается возможным, поскольку в его представлении тайгой сибиряки называют два явления: «...пустынные места – горы, леса, болота, реки, все это взятое вместе Слово тайга имеет еще и другое значение – дремучий лес» [44. С. 44–45]. Характеристика тайги как пустынного места, с одной стороны, связана с представлением о Восточной Сибири как стране «холодной» и «страшной», «столь обиженной природой» [44. С. 48]. С другой – именно в «дикой, безмолвной, таинственной тайге» природа щедро «рассыпала золото» [44. С. 82]. В целом – это образ «русского Эльдorado», сурового пространства, которое дарит смелым и предприимчивым сибирякам свои богатства (Аналогично у К.Е. Золотилова в очерке «Сибирская тайга» (1863): «Есть убеждение, что Сибирь, хотя страна и холодная, но зато богатая, что это наше русское Эльдorado, где смелого искателя ждет и счастье и богатство» [45. С. 313]). «Тайга» как бы аккумулирует и усиливает этот образ.

Тайга как «тюрьма». Тема «тайги и золота» в пореформенное десятилетие получит свое дальнейшее развитие; особенно сибирские областники сделают ее остроактуальной. Областники подошли к этой теме с точки зрения социальных проблем, бедственного положения рабочих на приисках. На первый взгляд, они также склонны видеть в этом влияние природного фактора. Описывая в 1861 г. географическое местоположение приисков, Г.Н. Потанин отмечает, что их удаленность от основных поселений, в тайге, «за чертой всякой общественной жизни», является ключевым ответом на вопрос о положении рабочих. Его он сравнивает «с ранним положением нашего крепостного сословия», а сам прииск с «запертой тюрьмой,сылочным местом» [39. С. 18]. В незаконченной и неопубликованной, но важной повести «Тайжане» (совместно с Н.М. Ядринцевым) это аналогия найдет дальнейшее развитие и сама тайга обретет характеристику тюрьмы: «Наша тайга это – трюм, – говорит Наталья. – Знаешь, что такое трюм? Это подвальный этаж в городских тюрьмах. Тут вечная игра, пьянство, пороки; это дно человеческого общества» [46. С. 34].

В этом смысле тайга – это некий «ад», «антимир», часть лиминального хронотопа «сибирского текста» [7, 47]. Социальный смысл такого описания тайги при этом иной, нежели в изображении «дикой тайги». У областников в действительности не вызовы природы ведут к тому, что общественные отношения в тайге деградируют; скорее наоборот – неестественные отношения, которые привносит человек (штрафная колонизация), придают самой природе соответствующие черты. Так, «глухая, торжественно-уединенная тайга» осмысливается как «храм», но «этот храм свободы мы обратили в тюрьму, в храм богу мести» [46. С. 61]. Также позднее и у Н.М. Ядринцева: «Невинная сибирская почва, поэтому не раз еще примет крестьянские и бродяжеские жертвы в свои недра, в том время, когда девственная и могучая природа будет сиять своими красотами, одеваться цветными лугами, зеленеть и шуметь своими бесконечными лесами» [48. С. 265]. В программе областников, «тайга» – это образ социальных проблем региона.

Заключение

На протяжении первой половины XIX в. понятие «тайга» постепенно становится одним из центральных слов для описания сибирского ландшафта. В первой четверти века его использование ситуативно и связано во многом с интересом к местной экзотике, быту и языку коренного и старожильского населения. С ростом общественного внимания к региону, обусловленным, в том числе, его золотопромышленным освоением, понятие становится важнейшим для описания колонизируемого пространства.

В структуре образов Сибири «тайга» отражает и усиливает мифологему региона как «холодной», «суровой» и «безграничной» страны, с одной стороны, и

страны нераскрытых возможностей, «кладовой» России или «золотого Эльдорадо» – с другой. Тайга – это «фронтирное», пограничное понятие, которое не случайно особо актуально в текстах, посвященных освоению края. При этом «тайга» – это не только сибирский лес. Это особая характеристика пространства, наделяющая реальные географические объекты – сибирские горы, леса, реки и т.д. – определенными смыслами. Ключевые из них современники обозначали «пустынностью», «дикостью», но также «первозданностью» и «величием». Аналогично «тайга» обозначает пограничное состояние между природным и социальным, позволяя маркировать человеческие взаимоотношения в тайге характеристиками «дикости» и неестественности или, наоборот, гармонии с природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов П.Н. Тайга с естественно-исторической точки зрения // Научные очерки Томского края : сб. публ. лекций по различным вопросам естествознания и сельского хозяйства местного края / под общ. ред. Н. Ф. Кашенко. Томск : Типо-лит. М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского, 1898. С. 1–15.
2. Сочава В.Б. Географические аспекты сибирской тайги. Новосибирск : Наука, 1980. 256 с.
3. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126–138.
4. Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
5. Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев и др.; отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.
6. Родигина Н.Н. Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
7. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
8. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
9. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76.
10. Макнотен П., Урри Дж. Социология природы // Теория общества : сб. / сост. и ред. А.Ф. Филиппов. М., 1999. С. 387–449.
11. Человек и природа: экологическая история. СПб. : Изд-во Европ. ун-та; Алетея, 2008. 348 с.
12. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 472 с.
13. Скотт Дж. Природа и пространство // Человек и природа : экологическая история. СПб. : Изд-во Европейского ун-та; Алетея, 2008. С. 180–250.
14. Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 304 с.
15. Brain S. Song of the Forest. Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh, Pa : University of Pittsburgh Press, 2011. 240 p.
16. Болотова А.А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 68–84.
17. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
18. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974. 382 с.
19. Хелимский Е.А. Этимологические заметки // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. М. : Тип. изд-ва МАИ, 1990. С. 30–42.
20. Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1986. 205 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 (Т – яшур) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1987. 864 с.
22. Радищев А.Н. Записки путешествия из Сибири // Полное собрание сочинений. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1938–1952. Т. 3. С. 267–304.
23. Народы, кочующие в верху реки Енисея // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 87–209.
24. Мартос А.И. Письма о Восточной Сибири. М. : Унив. тип., 1827. 291 с.
25. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М. : Унив. тип., 1833. 298 с.
26. Степанов А.П. Енисейская губерния : [Ч. 1–2]. СПб. : Тип. Конрада Вингебера, 1835.
27. Корнилов И.П. Очерк быта лесных зверопромышленных инородцев Восточной Сибири // Библиотека для чтения. 1851. Т. 108. С. 1–30.
28. Баженов Н.К. Поездка на золотые прииски. Казань : Тип. губерн. правл., 1846. 82 с.
29. Бороздин И. Сибирское золото и способы его добывания // Отечественные записки. 1845. Т. 42. С. 1–40.
30. Гофман Э.К. О золотых промыслах Восточной Сибири. СПб. : Тип. И. Глазунова и К., 1844. 156 с.
31. Небольсин П.И. Рассказы о сибирских золотых приисках // Отечественные записки. 1847–1848. Т. 53–56.
32. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб. : Тип. И. Глазунова и К., 1850. 248 с.
33. Лесной словарь / сост. в Деп. корабельных лесов. СПб. : привилегир. тип. Фишера, 1843–1845. Ч. 3. 865 с.
34. Бурнашев В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного : в 2 т. СПб. : Тип. К. Жернакова, 1843–1844. Т. 2.
35. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1847. Т. 4: P–V. 1847. 489 с.
36. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / ред. А.Х. Востоков. СПб. : В тип. Императорской Академии наук, 1852. 275 с.
37. Д.А. Машуков // Труды по лесному хозяйству Западной Сибири. Новосибирск, 1957. Вып. 3. С. 293–298.
38. Машуков Д.А. Описание лесов Колывано-Воскресенских горных заводов // Лесной журнал. 1851. № 10. С. 87–99.
39. Потанин Г.Н. О рабочем классе в ближней тайге // Русское слово. 1861. № 6. Отд. 3. С. 1–20.

40. Колмогоров Г. Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. № 10. С. 1–45.
41. Костров Н.А. Тайга // Иллюстрированная газета. 1865. № 44, 46–48.
42. Коптев А.Б. Беглый взгляд на растительность Алтайского горного округа // Газета лесоводства и охоты. 1857. № 30, 32.
43. Завалишин И.П. Описание Западной Сибири. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 512 с.
44. Скарятин В.Д. Заметки золотопромышленника. СПб. : В тип. П.А. Кулиша, 1862. Ч. 1. 166 с.
45. Золотилов К.Е. Сибирская тайга (П.В. Чебыкину) // Русский вестник. Т. 43, № 1. С. 313–346.
46. Потанин Г.Н. Тайжәне // Потанин Г.Н. Тайжәне: историко-литературные материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 302 с.
47. Григоренко Р.А. Роман Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева «Тайжәне» как предопределенный неуспех: поэтика замысла // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 24–32.
48. Ядринцев Н.М. На чужой стороне // Потанин Г.Н. Тайжәне: историко-литературные материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 201–266.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 ноября 2020 г.

The Concept “Taiga” in the Siberian Discourse of the 19th Century and Its Interpretations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 461, 123–130.

DOI: 10.17223/15617793/461/14

Artyom V. Vasilyev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hegelianer@gmail.com;

Keywords: taiga; forest; Siberia; conceptual history; sociocommunicative landscape.

The study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The aim of this article is to describe the history of the concept “taiga” in the Siberian discourse of the 19th century, to identify the key images associated with this concept and the main sociocultural, political, and economic factors affecting the transformation of the concept. The material is journalistic texts, reports of travelers and Siberian officials, forestry literature, and fiction of this period. The research methods are the tools of humanitarian geography, the history of concepts, and the sociology of nature. The study revealed that during the first half of the 19th century the word “taiga” was gradually becoming one of the central concepts for the description of the Siberian landscape. In the first quarter of the century, the use of the concept was caused by the interest of Russian society in the Siberian exoticism, the way of life, natural environment and language of the indigenous and old Siberian population. With the growth of public attention to the region, the development of gold mining, the growth of Russian journalism, and the emergence of Siberian literature, the concept became one of the most important for describing the space of Siberian colonization. In the structure of images of Siberia, “taiga” reflected and strengthened the mythologem of the region as a “cold”, “harsh” and “boundless” country, on the one hand, and a country of undisclosed possibilities, a “storehouse of Russia” or a “golden Eldorado”, on the other. Taiga is a “frontier”, borderline concept, which is very frequently used in texts on the colonial development of the region. At the same time, during the first half of the century, the concept did not gain terminological clarity and was perceived as new and unfamiliar for the European part of Russia. “Taiga” meant not only the Siberian forest; it was a special space that endowed real geographic objects (Siberian mountains, forests, rivers, etc.) with certain meanings. Key of them were associated by contemporaries with “desolation”, “savagery”, but also with “primordially” and “greatness”. Similarly, “taiga” denoted a borderline state between the natural and the social, making it possible to mark human relationships in the taiga with the characteristics of “wildness” and “unnaturalness”, or, vice versa, of harmony with nature. In the ideological program of Siberian regionalists (G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev), the taiga became a symbol of social unrest and problems in the region caused by the colonial policy of the Russian authorities.

REFERENCES

1. Krylov, P.N. (1898) Tayga s estestvenno-istoricheskoy tochki zreniya [Taiga from a natural-historical point of view]. In: Kashchenko, N.F. (ed.) *Nauchnye ocherki Tomskogo kraya: sb. publ. lektsiy po razlichnym voprosam estestvoznaniya i sel'skogo khozyaystva mestnogo kraya* [Scientific essays of the Tomsk region: collection of lectures on various issues of natural science and agriculture of the local region]. Tomsk: Tipo-lit. M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo. pp. 1–15
2. Sochava, V.B. (1980) *Geograficheskie aspekty sibirskoy taygi* [Geographical aspects of the Siberian taiga]. Novosibirsk: Nauka.
3. Zamyatin, D.N. (2010) Humanitarian geography: A subject matter and mainstream evolution trends. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 126–138. (In Russian).
4. Dutchak, E.E. & Kashpur, V.V. (2013) “Russkiy sibiryak”, ili Paradoksy regional'noy identifikatsii [“Russian Siberian”, or Paradoxes of Regional Identification]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 116–129.
5. Dameshek, I.L. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Rodigina, N.N. (2006) *Drugaya Rossiya: obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [A Different Russia: The Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
7. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The Mythologem of Siberia: On the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
8. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic identity in the self-identification of a Siberian native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7
9. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the Concept “Forest” (On the Material of Dialect Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/65/4
10. Macnaghten, P. & Urry, J. (1999) *Sotsiologiya prirody* [Towards a sociology of nature]. Translated from English. In: Filippov, A.F. (ed.) *Teoriya obshchestva* [Theory of society]. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole. pp. 387–449.
11. Aleksandrov, D. et al. (eds) (2008) *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya* [Man and nature: Environmental history]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg; Aleteyya.
12. Radkau, J. (2014) *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and power. A global history of the environment]. Translated from English. Moscow: HSE.
13. Scott, J.C. (2008) *Priroda i prostranstvo* [Nature and space]. Translated from English. In: Aleksandrov, D. et al. (eds) *Chelovek i priroda: ekologicheskaya istoriya* [Man and nature: Environmental history]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg; Aleteyya. pp. 180–250.
14. Kyuster, Kh. (2012) *Istoriya lesa. Vzglyad iz Germanii* [History of the forest. A view from Germany]. Translated from German. Moscow: HSE.
15. Brain, S. (2011) *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.

16. Bolotova, A.A. (2006) Gosudarstvo, geologi i kolonizatsiya prirody v SSSR [State, geologists and the colonization of nature in the USSR]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2 (46). pp. 68–84.
17. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2
18. Murzaev, E.M. (1974) *Ocherki toponimiki* [Essays on toponymy]. Moscow: Mysl'.
19. Khelimskiy, E.A. (1990) Etimologicheskie zametki [Etymological notes]. In: *Issledovaniya po istoricheskoy grammatike i leksikologii* [Studies in historical grammar and lexicology]. Moscow: Tip. izd-va MAI. pp. 30–42.
20. Rozen, M.F. & Maloletko, A.M. (1986) *Geograficheskie terminy Zapadnoy Sibiri* [Geographical terms of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Progress.
22. Radishchev, A.N. (1938–1952) *Zapiski puteshestviya iz Sibiri* [Travel notes from Siberia]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 267–304.
23. *Sibirskiy vestnik*. (1818) Narody, kochuyushchie v verkhu reki Eniseya [Peoples nomadizing in the upper Yenisei River]. 1. pp. 87–209.
24. Martos, A.I. (1827) *Pis'ma o Vostochnoy Sibiri* [Letters about Eastern Siberia]. Moscow: Univ. tip.
25. Pestov, I.S. (1833) *Zapiski ob Eniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri* [Notes on Yenisei Province of Eastern Siberia]. Moscow: Univ. tip.
26. Stepanov, A.P. (1835) *Eniseyskaya guberniya* [Yenisei Province]. Parts 1 and 2. St. Petersburg: Tip. Konrada Vingebera.
27. Kornilov, I.P. (1851) Oчерк быта лесных зверопромышленных инородцев Vostochnoy Sibiri [Essay on the life of forest animal-trading non-Russians in Eastern Siberia]. *Biblioteka dlya chteniya*. 108. pp. 1–30.
28. Bazhenov, N.K. (1846) *Poezdka na zolotye priiski* [A trip to gold mines]. Kazan: Tip. gubern. pravl.
29. Borozdin, I. (1845) Sibirskoe zoloto i sposoby ego dobyvaniya [Siberian gold and methods of its extraction]. *Otechestvennye zapiski*. 42. pp. 1–40.
30. Gofman, E.K. (1844) *O zolotyykh promyslakh Vostochnoy Sibiri* [On gold mines in Eastern Siberia]. St. Petersburg: Tip. I. Glazunova i K.
31. Nebol'sin, P.I. (1847–1848) Rasskazy o sibirskikh zolotyykh priiskakh [Stories about Siberian gold mines]. *Otechestvennye zapiski*. 53–56.
32. Nebol'sin, P.I. (1850) *Zametki na puti iz Peterburga v Barnaul* [Notes on the way from St. Petersburg to Barnaul]. St. Petersburg: Tip. I. Glazunova i K.
33. Department of Ship Timber. (1843–1845) *Lesnoy slovar'* [Forest dictionary]. Pt. 3. St. Petersburg: privilegir. tip. Fishera.
34. Burnashev, V.P. (1843–1844) *Opyt terminologicheskogo slovarya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo: v 2 t.* [Experience of the terminological dictionary of agriculture, manufacturing, crafts and folk life: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. K. Zhernakova.
35. Second Branch of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian languages, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
36. Vostokov, A.Kh. (ed.) (1852) *Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya, izdannyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [Experience of the regional Great Russian dictionary, published by the Second Branch of the Academy of Sciences]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
37. *Trudy po lesnomu khozyaystvu Zapadnoy Sibiri*. (1957) D.A. Mashukov. In: *Trudy po lesnomu khozyaystvu Zapadnoy Sibiri* [Proceedings on forestry in Western Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: SB USSR AS. pp. 293–298.
38. Mashukov, D.A. (1851) Opisanie lesov Kolyvano-Voskresenskikh gornyykh zavodov [Description of the forests of the Kolyvan-Voskresensk mining plants]. *Lesnoy zhurnal*. 10. pp. 87–99.
39. Potanin, G.N. (1861) O rabochem klasse v blizhney tayge [On the working class in the near taiga]. *Russkoe slovo*. 6. Pt. 3. pp. 1–20.
40. Kolmogorov, G. (1856) Oчерк лесов i лесных промыслов Severo-Zapadnoy Sibiri [Essay on forests and forestry in North-Western Siberia]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 10. pp. 1–45.
41. Kostrov, N.A. (1865) Tayga [Taiga]. *Illyustrirovannaya gazeta*. 44, 46–48.
42. Koptev, A.B. (1857) Beglyy vzglyad na rastitel'nost' Altayskogo gornogo okruga [A quick glance at the vegetation of the Altai mountain district]. *Gazeta lesovodstva i okhoty*. 30, 32.
43. Zavalishin, I.P. (2005) Opisanie Zapadnoy Sibiri [Description of Western Siberia]. Tyumen: Mandr i Ka.
44. Skaryatin, V.D. (1862) *Zametki zolotopromyshlennika* [Notes of a gold miner]. Pt. 1. St. Petersburg: V tip. P.A. Kulisha.
45. Zolotilov, K.E. (1863) Sibirskaya tayga (P.V. Chebykinu) [Siberian taiga (To P.V. Chebykin)]. *Russkiy vestnik*. 43 (1). pp. 313–346.
46. Potanin, G.N. (1997) Tayzhane [The Taigans]. In: Potanin, G.N. *Tayzhane: istoriko-literaturnye materialy* [The Taigans: historical and literary materials]. Tomsk: Tomsk State University.
47. Grigorenko, R.A. (2018) The Taigans by G. Potanin and N. Yadrintsev as a predestined failure: The poetics of the conception. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 24–32. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/3
48. Yadrintsev, N.M. (1997) Na chuzhoy storone [In a strange land]. In: Potanin, G.N. *Tayzhane: istoriko-literaturnye materialy* [The Taigans: historical and literary materials]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 201–266.

Received: 25 November 2020